

М ѣ н а.

ашоль старикъ у себя на дворѣ горошину. «Сыпь, — говоритъ, — старуха, горошину въ печь, высуши, истолки, киселя навари, разлей въ блюда. Пойду я къ царю, понесу въ поклонъ блюдо киселю, — не пожалуетъ ли насъ царь чѣмъ-нибудь ради нашей бѣдности».

Снесъ старикъ царю блюдо киселю и пожаловалъ ему царь четверикъ золота.

Взвалилъ онъ мѣшокъ съ золотомъ на плечи и идетъ домой; шель-шель, умурился, чуть тащится. Вдругъ, на встрѣчу ему парень, верхомъ ѣдетъ: «Здорово, дѣдушка, откуда Богъ несетъ?» — «Ходилъ къ царю, носилъ въ поклонъ блюдо киселю». — «А чѣмъ тебя царь пожаловалъ?» — «Четверикомъ золота». — «Эка, какъ усталъ-то ты дѣдушка, мѣшокъ тащивши! Промѣняй твое золото на моего коня. Сядешь на него, — не увидишь, какъ до дому доѣдешь, а я, помоложе тебя, какъ нибудь съ мѣшкомъ управлюсь». Подумалъ-подумалъ старикъ — и промѣнялъ четверикъ золота на коня.

Ѣдетъ старикъ: трюхъ-трюхъ, трясетъ его верхомъ, всю поясницу разломило, всю душу вымотало. А тутъ еще на грѣхъ какъ споткнется подъ нимъ конь, — полетѣлъ старикъ вверхъ ногами, шлепнулся кулемъ на землю и лежитъ. По дорогѣ гналъ пастухъ корову, подошелъ къ старику и спрашиваетъ: «Что ты, дѣдушка, посередь дороги развалился? Легъ бы отдохнуть къ сторонкѣ». А старикъ ему: «Ходилъ я, родимый, къ царю, носилъ въ поклонъ блюдо киселю, пожаловалъ мнѣ царь четверикъ золота, я золото на коня промѣнялъ, да либо конь не по мнѣ,

либо я не по коню:—вотъ теперь я и лежу». Поднялъ старика пастухъ и говоритъ: «Куда ужъ тебѣ, дѣдушка, такой борзый конь, промѣняй ка его мнѣ на мою корову». Подумаль-подумаль старикъ и промѣнялъ своего коня на корову.

Идетъ дальше, вдругъ навстрѣчу ему мужикъ овцу гонить: «Здорово, дѣдушка. Откуда Богъ несетъ?» Разказалъ ему старикъ. «Промѣняй коровку на мою овцу — ишь, овца-то какая жирная да курчавая, а въ твоей коровѣ что: ни шерсти ни мяса». Подумаль старикъ и промѣнялъ корову на овцу.

Гонить овцу, а на встрѣчу ему баба гуся подмышкой несетъ: «Здравствуй, дѣдушка. Откуда бредешь?»—«Ходилъ къ царю, носилъ блюдо киселю; меня царь мѣшкомъ золота пожаловалъ, да только я золото на коня промѣнялъ, а коня на корову.»—«Гдѣ-жъ у тебя корова-то?»—«Да вотъ на эту овечку вымѣнялъ».—«Промѣняй овечку на моего гуся». Подумаль старикъ и промѣнялъ овцу на гуська.

Тащить старикъ гуся, глядь—бѣжитъ по дорогѣ дѣвчонка и курицу несетъ: «Откуда идешь, дѣдушка?» Разказалъ ей старикъ, а дѣвчонка и говоритъ: — «Промѣняй, дѣдушка, твоего гуська на мою курочку: ее кормить легче будетъ». Подумаль старикъ и промѣнялъ гуська на курочку.

Несетъ курочку подмышкой, а она вырывается, крыльями хлопаетъ. Билась, билась и вырвалась у старика. Давай ее старикъ ловить. Лапти у него старые, оборки рваныя; оборки развязались, лапти съ ногъ валяются, въ ногахъ путаются, — никакъ старикъ курицы не поймаетъ. Шелъ въ то время дорогою мужикъ, несъ за спиной новые лапти: «Здорово, дѣдушка! Богъ въ помощь курицу ловить. Откуда это ты?» Старикъ ему разказалъ. «Эхъ, дѣдушка! Гдѣ тебѣ курицу поймать. Промѣняй ее лучше мнѣ за новые лапти, а то въ твоихъ тебѣ и до дому не дойти.» Старикъ подумаль-подумаль—и промѣнялъ.

Поймалъ мужикъ курицу и пошелъ своей дорогой, а старикъ сѣлъ на траву переобуваться. Хватъ—лапти на ногу не лѣзутъ, вовсе малы. Что тутъ дѣлать? Идетъ мимо офеня-коробейникъ, за плечами тащить коробъ съ нитками, иголками, ситцами, платками, всякими бабыми бездѣлками: «Старичку почтенье! Изда-

лека ли, дѣдушка?» — «Ходилъ, родимый, къ царю, носилъ въ поклонъ блюдо киселю; пожаловалъ мнѣ царь на мою бѣдность мѣшокъ золота». — «О? Гдѣ-жъ оно у тебя?». Разказалъ тутъ старикъ про свою мѣну, а коробейникъ ему и говоритъ: «Нутка, покажи твои лапти, можетъ быть, мнѣ впору придутся: по вашимъ мѣстамъ и на сапоги не наторгуешь». Примѣрилъ, — въ самый разъ. «Промѣняй, — говоритъ, — мнѣ твои лапти, я за нихъ тебѣ иголку дамъ». Подумалъ старикъ, и отдалъ лапти за иголку.

Недалеко старику ужъ и до своего села было, только споткнулся онъ и упалъ. Хватъ, а иголки-то въ кафтанѣ, куда онъ ее заткнулъ, и нѣтъ: вывалилась. Давай онъ по землѣ лазить, въ травѣ руками шарить.

Бѣжалъ мимо баринъ богатый на тройкѣ, приказалъ кучеру остановиться и спрашиваетъ: «Чего ты, дѣдушка, по травѣ на корачкахъ ползаешь?» — «Иголку ищу, батюшка: потерялъ». — «Ну, вотъ! Гдѣ ужъ иголку въ высокой травѣ найти. Да ты откуда?» Разказалъ старикъ и барину все, что съ нимъ было.

Давай баринъ надъ старикомъ смѣяться: «Вотъ такъ мѣняла, — говоритъ, — тебѣ бы цыганомъ быть. Только какъ-то ты теперь домой покажешься: вѣдь съѣстъ тебя поѣдомъ твоя старуха за такую мѣну, всѣ кочерги, ухватятъ объ тебя обломаютъ». — «Нѣтъ, баринъ, моя старуха не такая. Ты погляди: какъ она еще мнѣ обрадуется». — «Нѣтъ, старикъ, объ закладъ побьюсь, что достанется тебѣ». Спорили, спорили и поставилъ баринъ въ закладъ тысячу рублей, что побьетъ старуха старика за мѣну.

Приѣхали къ стариковой избѣ; баринъ въ сѣняхъ остался, слушаетъ, — какъ-то старуха мужа встрѣтитъ, — а старикъ въ избу вошелъ, и говоритъ: «Здорово, жена!» — «Здравствуй, родимый, здравствуй, голубчикъ! Встосковалась я тебя поджидаячи». — «А мнѣ, жена, мѣшокъ золота царь пожаловалъ». — «Ну, и то слава Богу; значитъ, теперь и мы съ деньгами будемъ». — «Только я-золото-то тащилъ, тащилъ, умурился и на коня промѣнялъ». — «И чудесное дѣло: съ деньгами-то, какъ подумаешь, только грѣхъ одинъ, а лошадь въ нашемъ дѣлѣ кормилица: дровецъ ли привезти, въ полѣ ли поработать». — «Ты погоди: съ лошади-то я свалился, ушибся, да и промѣнялъ ее на корову». — «Ишь, ты у

меня какой догадливый! Я и сама-то подумала: куда ужъ тебѣ, старику, съ лошадыю управляться, а коровка-то чего лучше: будемъ молочко теперь съ кашей хлѣбать». — «Только я подумалъ: чѣмъ мы корову-то будемъ кормить, да и промѣняль ее на овечку». — «И то, вѣдь, правда; да къ тому-жъ и я стара стала, за коровкой-то ухоть нуженъ. То-ли дѣло овца: обстригу съ нея шерстку, напряду, сукна натку—глядишь, и кафтанъ новый у тебя будетъ, а то этотъ-то дыра на дырѣ». — «Такъ-то такъ, только я овечку на гуся промѣняль. Думаю: за овцу пастуху еще платить надо, а гусь у насъ и на дворѣ около лужи походить!» — «Ужъ чего лучше; чудесно откормится. А какъ мы этого гуська зарѣжемъ, да зажаримъ—смотришь, и праздникъ не хуже людей встрѣтимъ». — «Ну, а я подумалъ: что гусь? Съѣль его, только и всего! Да и промѣняль его на курочку». — «Ахъ ты, родимый ты мой, вотъ радость-то мнѣ на старости лѣтъ: курочка намъ, глядишь, яичекъ нанесетъ, циплятокъ выведетъ: и яишенку когда поѣдимъ, да и птицы полонъ дворъ будетъ». — «Ты погоди: курочка то у меня вырвалась, никакъ я ее поймать не могъ; взялъ, да и промѣняль на новые лапти». — «И вправду, бѣда съ этими курами: то ястребъ унесетъ, то на чужой дворъ залетитъ, то ребятишки камнемъ зашибутъ. А лапти у тебя вовсе растоптались, съ ногъ валяются». — «Только лапти-то я ужъ больно малы взялъ, на ногу не лѣзутъ. Такъ я ихъ на иголку промѣняль». — «Ужъ это чего хуже, какъ лапти малы: всѣ ноги собьешь! А за иголку тебѣ въ ножки поклонюсь; спасибо, что и обо мнѣ вспомнилъ. Иголка всегда пригодится: зашить что, заштопать». — «Да только вотъ бѣда: споткнулся я, упалъ да иголку-то и потерялъ» — «И, родимый, что за бѣда! Бѣда невеликая; спасибо, что самъ то живъ-здоровъ воротился.

Слушаетъ баринъ и диву дается. «Ну, старикъ,—говорить,—видалъ я много всего на своемъ вѣку, а такихъ чудесъ отъ роду не видывалъ. Не жаль и денегъ отдать. Получай тысячу рублей».

Получилъ старикъ деньги и зажилъ со старухой припѣваючи.